

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРЕДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ: ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ. СМЕРТЬ КАК ТВОРЧЕСТВО»

Обзор работы конференции

Уильям Майкл Харнетт (1848 - 1892). Смерть и бессмертие

Настоящий номер журнала посвящен материалам состоявшейся 22-23 ноября 2013г. в рамках «Дней философии в Санкт-Петербурге – 2013», ежегодно проводимых Философским факультетом Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургским философским обществом при поддержке Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга и Российского гуманитарного научного фонда (проект 12-03-14128г), конференции **«Пределные вопросы: жизнь, смерть и бессмертие. Смерть как творчество»**. Руководитель конференции – д. филол. н., проф. С.В.Чебанов. Секретари: д. пед. н., проф. М.Е.Кудрявцева; к. мед. н. А.Л.Чужов. Ведущие заседаний: М.Е.Кудрявцева, А.Л.Чужов, В.М.Широнин, А.П.Чернеевский. Заседания проходили в Музее-институте семьи Рерихов (18-я линия В.О., д. 1). Всего в конференции приняли участие 46 человек, из них 5 профессоров (докторов наук), 13 доцентов (кандидатов наук, в т.ч. 1 докторант) и 1 аспирант. Содействие и помощь в организации и проведении конференции оказали администрация

и сотрудники Музея-института семьи Рерихов. В работе конференции участвовали представители научных, учебных и практических учреждений Санкт-Петербурга, Москвы, Омска, Киева.

На заседаниях конференции заслушано 14 докладов. Докладчики представили широкий спектр тем – от фундаментальных философских (С.В.Чебанов, Б.Ф.Шифрин) до частных религиозно-философских (О.В.Павенков, Ю.Ю.Будникова, В.Л.Мельников, Н.З.Гаевская), искусствоведческих (М.Е.Кудрявцева, О.А.Кириллова), психотерапевтических (О.А.Старостин, А.П.Чернеевский, С.Л.Соловьёв), медико-биологических (А.Л.Чужов) и юридических (О.Н.Лясковец), так или иначе связанных с заявленной проблематикой мероприятия. Часть докладов (О.А.Старостин, М.Е.Кудрявцева, Ю.Ю.Будникова, С.Л.Соловьёв, А.Л.Чужов) была подготовлена участниками постоянно действующего междисциплинарного эвристического семинара «Пределные вопросы» и проводимых им мероприятий (руководители – С.В.Чебанов, М.А.Искрин).

Доклад **С.В.Чебанова** имел программный характер и содержал основную проблематику междисциплинарного дискурса о смерти. Докладчик акцентировал внимание аудитории на сложности обсуждения смерти в условиях сложившихся социально-психологических, культурологических и бытовых стереотипов. Он отметил, что при очевидном богатстве сферы творчества, соприкасающегося со смертью, новоевропейская культура игнорирует этот потенциал, концентрируясь на проблемах начала существования, т.е. зачатия и рождения. Результатом этого оказывается существование большого количества «белых пятен» в знаниях об окончании земной жизни человека. В то же самое время, именно рассматриваемая область оказывается крайне важной для освоения в ситуации глобального антропологического кризиса.

В основе развиваемых в течение многих лет С.В.Чебановым взглядов положено представление о тетраде базовых категорий «жизнь–смерть–организм–труп». Нарастание наполненности смертью рассматривается докладчиком в качестве частичного отупления, которое, прогрессируя, завершается тотальным трупобразованием. В качестве противонаправленного вектора рассматривается творчество, которое трактуется как целенаправленное (иногда – целеустремленное или даже целеполагаемое) создание нового, характеризующегося принципиальной непредсказуемостью. Выделяется около 20 мотусов творческого отношения к смерти.

Мотив смерти в телесно-ориентированной психотерапии был раскрыт в докладе **О.А.Старостина**. Отмечено, что в последние десятилетия XX века наступил новый этап в исследованиях телесности, включающей в себя физическое тело лишь как составляющую и метафорически отражающей не только психологические (душевные) проблемы человека, но и уровень его духовного развития. В телесно-ориентированной психотерапии телесность рассматривается в качестве результата взаимодействия тела и духа. В этом отношении она оказывается видимой и переживаемой частью души, которая непрерывно формируется под действием многообразных факторов в течение всей жизни индивидуума и имеет структуру, все составляющие которой взаимосвязаны, тесно переплетены и соот-

ветствуют друг другу. Эта структура суммарно выражает систему смыслов человека, в основе которой лежит его отношение к смерти и жизни.

Обобщая социальную и юридическую практику конца XX – начала XXI века **О.Н.Лясковец** утверждает: не имея пока возможности отменить онтологический закон, устанавливающий необходимость зарождения и смерти, человек последовательно и неуклонно присваивает себе распорядительную роль в этих процессах (искусственное оплодотворение *in vitro*, суррогатное материнство, аборт, контрацепция, смертная казнь, эвтаназия). При этом происходит изменение количества участников этих процессов, значимости их биологической половой принадлежности, возраста и технологии процесса. Т.о. человек все активнее изменяет природно-организованный процесс, затрагивая при этом онтологические основы существования цивилизации с труднопредсказуемыми, но неизбежными последствиями.

В перерыве между утренним и дневным заседаниями первого дня конференции (22.11.2013г.) состоялась традиционная акция памяти пассажиров «Философского парохода» (1922г.) у мемориального камня, посвященного этому событию (угол наб. Лейтенанта Шмидта и 8-9 линий В.О.).

Дневное заседание было открыто докладом, посвященном различию психологического и религиозного подходов в разговоре о смерти (**А.П.Чернеевский**). Главной отправной точкой рассуждения для докладчика являлся взгляд на смерть как на предельный для человека опыт экзистенциального переживания Иного. Для осознания Иного в рамках культуры изначально существовал исключительно религиозный язык. В начале XX века в европейской культуре формируется новый язык, позволяющий говорить о предельном опыте – психоаналитический, в котором религиозное именуется бессознательным, однако интерпретируются в различных психоаналитических школах неодинаково. Во второй половине XX века складывается гуманистический подход в психологии, имеющий основанием для познания здравый смысл. Автор задается вопросом: можно ли рационализировать способы осознания смерти (а также и предельного опыта вообще)? И отве-

чает на него отрицательно, констатируя, что эта задача находится за пределами современной европейской науки и философии.

О.В.Павенков доложил результаты своего диссертационного исследования мало изученной проблемы соотношения концептов Танатоса и Эроса в творчестве каппадокийцев и Иоанна Златоуста. Автор утверждает, что слово «любовь» и синонимичное ему «эрос» не всегда правильно употребляется в публицистике и средствах массовой информации, т.к. обычно игнорируется их соотношение с понятием «танатос» (θάνατος). А между тем, византийские богословы Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский, основываясь на новозаветной мировоззренческой парадигме, разработали учение об амбивалентности любви (ἔρως) и смерти (θάνατος). В любви они видели внутреннее диалектическое противоречие: она может быть направлена как на небесный, идеальный, но-уменьный мир, так и на земное, плотское, низменное, грубо-чувственное. Святые отцы рассматривали Эрос, направленный на Бога, жертвенную, каритативную любовь как фундаментальное вневременное сущностное и духовное качество человека, обеспечивающее победу над Танатосом (θάνατος). В учении Иоанна Златоуста любовь к логосу является основным критерием отличия человека от животных. При этом смерть телесная как разъединение души и тела для человека праведного утрачивает свое значение. Намного страшнее и опаснее оказывается смерть духовная, смерть во грехе, которая означает полное отчуждение от Божественной любви, от Божественного Эроса.

Иные акценты в соотношении Эроса и Танатоса ставит Василий Великий. Для обозначения небесной и блаженной любви использует понятие Эрос (ἔρως). Таким словоупотреблением Василий Великий дает понять, что Бога можно любить не только любовью спокойной и соразмерной, какой является любовь-агапе (ἀγάπη), но и любовью стремительной, интенсивной, пламенной. Эросом человек может обожиться, преобразиться, если она будет направлена на Христа, и через это станет чистой и блаженной. Забвение Божественной Любви есть главный фактор Танатоса. Поскольку познание Бога невозможно без любви, то любовь является условием и основой жизни.

Забвение любви и есть нарушение заповеди Божией, которое привело к сращиванию природы человека и силы Танатоса, в результате чего человеческая жизнь стала процессом постепенного умирания, поскольку телом он живет в смертном мире и по законам материального мира.

По Григорию Нисскому любовь-эрос направлена как к добродетели, так и к лучшей истинной красоте. Однако если Василий Великий говорит о вожденнейшей Божественной красоте, то Григорий Нисский созерцательно указывает на красоту восстановленного человеческого тела после всеобщего воскресения мертвых. Причина смерти по византийским богословам – это неправильное распоряжение человеком свободой воли, который сознательно выбирает грех и зло. Первородный грех, определяющий смертность тела, подобно вирусу распространяется половым путем: от родителям к детям, которые также рожают детей и так далее. В смерти есть смысл, который можно назвать дидактическим: она препятствует чрезмерному распространению греха и задает предел развития зла в человеческом естестве. Григорий Нисский в своих рассуждениях о пост-смертном бытии человеческой души, приходит к положению о «неполноте» смерти тела. Эта недостаточность смерти тела человека обусловлена тем, что составляющие его тело элементы продолжают существовать в едином материальном космосе. При этом сохраняются индивидуальные опознавательные «коды», по которым тела смогут быть полностью реконструированы при всеобщем воскресении. Любовь-эрос рассматривается Григорием Нисским и как бесстрастная связь с Богом, и как связь с любимым телом, которая не прерывается даже после смерти человека и восстанавливается после всеобщего воскресения мертвых. Тогда эрос полностью преобразит человека, который станет бессмертным, а победа над смертью станет полной.

Собственный мистический опыт убедил Григория Назианзина рассматривать Танатос не как антитезу жизни, а в качестве аспекта бытия, находящегося в тесной связи с жизнью и составляющего с ней неразрывное диалектическое единство. Он пришел к выводу, что Эрос может стать Танатосом, если он направлен на бытие к смерти, на греховную жизнь, и может стать источником жизни вечной, если

он направлен на Бога.

Опираясь на текст рассказа Х.-Л. Борхеса «Тайное чудо», **М.Е.Кудрявцева** анализирует идею автора о том, что осознание неотвратимости и близости смерти может явиться мощным стимулом для творчества, заставляя человека максимально мобилизоваться для реализации своей миссии. Х.-Л. Борхес недвусмысленно высказывается за абсолютную самодостаточность и ценность творчества, полностью осуществляющегося во внутреннем экзистенциальном пространстве человека за секунду до ухода из жизни – творчества, существующего лишь в воображении автора, результат которого никому не суждено ни увидеть, ни прочитать. И эта внутрисубъектная созидательная деятельность оказывается (по Х.-Л. Борхесу) равноценной внешней социальной.

С большим интересом был заслушан и вызвал активную дискуссию доклад **О.А.Кирилловой**, раскрывшей эволюцию и преемственность характерных образов смерти в декадентском кинематографе от начала прошлого века до настоящего времени. В качестве исходного материала для анализа автор использовал творчество кинорежиссера Е. Бауэра и его фильм «Умиравший лебедь» (1916), для которого в полном соответствии с феминистской культурой декаданса характерна феминизация также и красоты смерти. С другой стороны, смерть трактуется как необходимое условие «идеальной любви»: объект любви, как и объект эстетический, должен быть отнят смертью у героя-субъекта и «возвращен» ему в форме отчужденного образа-грезы – тогда он приобретает черты объекта идеального. Идеал в культуре символизма есть синтез макропонятий Красоты и Смерти, выраженный в образе.

Подобный некроэстетизм легко трансформируется в некроэротизм: живая женщина у Бауэра – это всегда женщина ненужная, неполноценная, отвергнутая, требующая окончательной «доработки смертью». Женский образ как центральный образ смерти у Бауэра и культурологичен, и мифологичен одновременно – это генеалогический исток феминизации образа смерти в отечественном кино. Формула, предложенная Бауэром, состоит в абсолютизации и отождествлении понятий красоты и смерти, и в воссоздании эстетичес-

кого идеала как фундаментально мертвого.

Тема идеализации эстетического объекта в пространстве смерти получает свое развитие во второй волне кинематографических рефлексий Серебряного Века – «кинодекаданса» 1980-х гг., точкой отсчета которого можно считать появление фильмов «Скорбное бесчувствие» Александра Сокурова (1986) и «Господин оформитель» Олега Тепцова (1988). Сценарий к обоим фильмам написан Юрием Арабовым. Если в фильме Сокурова зияющим смысловым центром событий является ложно-мертвое тело, диагноз которого *anesthesia psychica dolorosa* вынесен в заглавие фильма, то фильм Тепцова по своим этико-эстетическим построениям целиком отражает проблематику кинодекаданса Бауэра: в нем также представлена история анти-Пигмалиона как идейного терминатора, теряющего контроль над ходом умерщвления.

Декадентский танатологический конструкт, лежащий в основе сюжета, позволяет найти прямые аналогии в фильмах «Умиравший лебедь» Е.Бауэра и «Господин оформитель» О.Тепцова. Взаимоотношения художника и модели, творца и красоты, танатолога и смерти решены здесь весьма сходным образом: красоту как характеристику живого приносят в жертву абсолютизированному эстетическому идеалу, в котором символистские макропонятия красоты и смерти синтезированы. В первом случае акцент сделан на совершенстве смерти, во втором – на несовершенстве всего живого, уже сотворенного, но еще «неоформленного». В «Господине оформителе» речь идет о демиургических претензиях главного героя: оставляя Богу функцию творца несовершенной материи, он отдает художнику приоритет в ее оформлении в аристотелевском смысле, т.е. «одухотворения». Декадентское творчество превращается в исследование феномена смерти, в танатологию, осуществляемую художественными средствами. А это есть не что иное, как вариант альтернативной секулярной теургии в понимании Н.А.Бердяева: «Теургия – искусство, творящее иной мир, иное бытие, иную жизнь, красоту как сущее. Теургия преодолевает трагедию творчества, направляет творческую энергию на жизнь новую...».

В центре внимания участников второго дня конференции (23.11.2013г.) на-

ходились межкультурные и межконфессиональные параллели и отражение представлений о смерти в архетипах мифологического сознания (Б.Ф.Шифрин), учении Рерихов (Ю.Ю.Будникова, В.Л.Мельников), христианской догматике и опыте мистического откровения (С.Л.Соловьёв, А.В.Гогин, С.В.Чебанов), даосизме и современных медико-биологических концепциях (А.Л.Чужов).

В докладе **Ю.Ю.Будниковой** нашли свое отражение представления о смерти и бессмертии Н.К.Рериха, полагавшего знания об устройстве мира невидимого («области заочны»), его духовного измерения и посмертного существования человека опорными, структурообразующими факторами культуры. Смерти, как конца существования человеческой индивидуальности, для Рериха не существует. В своей статье «Сущность» (1935) он писал: «Начиная от теологических и через многие философские, исторические и поэтические рассказы, всюду утверждается, что и смерти как таковой нет и близость миров может быть ощущаема даже среди обихода жизни». Под подлинной же смертью этот выдающийся мыслитель XX века подразумевал смерть психическую, духовную, когда люди становятся «гробами поваленными». Подобная смерть может наступить во время продолжающегося физического существования индивидуума.

Об альтернативе смерти – бессмертия, природой которого является вечность, в статье «Держава Света» (1931) Н.К.Рерих писал так: «Многотомно можно выписывать из Отцов Церкви и из заветов пустынно-жителей и подвижников правила их, ими выношенные и примененные в жизни. “Когда сподобится духовных дарований, тогда, непрестанно бывая воздействию Благодатью, весь соделывается световидным и становится неотклоним от созерцания вещей духовных. Таковой не привязан ни к чему здешнему, но перешел от смерти в живот...” <...> Бог вложил человеку вечность в сердце – обитель духа нетленна, вечна через все воплощения. И познает она свет, ибо и сама является источником света».

Свое выступление **А.Л.Чужов** начал с предложения к аудитории почтить память проф. **Евгения Алексеевича Торчинова** (1956–2003), чей вклад в развитие отечественной даологии следует считать выдающимся. В основной части своего доклада, посвя-

щенного даосским танатологии (учению о закономерностях умирания), танатогенезу (механизмам смерти) и иммортализму (доктрине абсолютной ценности жизни), автор отметил, что трудно подобрать исторический аналог бескомпромиссному подходу ранних даосов. Они объявили смерть явлением противоестественным и избрали своей целью достижение личного бессмертия в физическом теле. Однако последующая эволюция этих представлений, обнаруженная при глубоком научном анализе Шанцинского книжного собрания, показывает, что конечной целью даосской практики в III–VI вв. становится обретение ранга небесного чиновника-сяня и вознесение в мир бессмертных, минуя физическое умирание. Тогда для даоса наступает вечность, являющаяся по емкому выражению Г.С.Померанца (1918–2013) точкой, вокруг которой вращаются времена. Таким образом, можно говорить о возникшем в среде даосов различии трупобразования и смерти (по терминологии С.В.Чебанова). Автор обращает внимание на сходство радикального раннедаосского иммортализма с теоретическими посылами современного трансгуманистического движения, а также на ключевое значение анализа вариантов решения психофизической проблемы для типологии попыток преодоления смерти.

С.В.Чебанов поделился своими воспоминаниями о Е.А.Торчинове, знакомство с которым у него состоялось в июле 1973г. в период поступления последнего на кафедру китайской филологии Восточного факультета ЛГУ. В 1976–78гг. их общение было наиболее интенсивным. Проблематичным в профессиональной карьере оказался для Торчинова момент принятия осознанного решения о вступлении в ряды КПСС, что в среде его единомышленников было воспринято неоднозначно. Особенностью периода становления его как специалиста-синолога был постоянный и глубокий интерес к философии. При этом ему удавалось успешно разделять собственную мистическую практику и непредвзятую многоаспектную рефлексию по поводу этой практики. Став в 1998г. заведующим кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета СПбГУ, Евгений Алексеевич организовал чрезвычайно интересный семинар по сравнительному религиоведению

нию, особенностью которого стали обширные и глубокие психологические комментарии к обсуждаемым вопросам.

С.Л.Соловьев посвятил свое выступление рассуждениям о таком предельном морально-нравственном регулятиве как смертный грех. Он отметил, что наличие философского, психологического, социокультурного, богословского, экзистенциального и других дискурсов на эту тему указывает на универсальную значимость этой проблемы.

Грех означает нахождение вне области, предписанной Богом для жизни человека. Говоря о смертном грехе, мы имеем в виду условия, приводящие в посмертии ко «второй смерти», к гибели души. Таким образом, первой смертью будет отделение души от тела, а второй – разрыв связи души с Богом. Душа, вследствие этого, остается одинокой (неприкаянной), и не может облечься новым телом посмертия. Дальнейшая судьба такой души в богословском дискурсе трактуется неоднозначно. В определении смертного греха обязательным условием является информированность человека о грехе и, вместе с тем, осознанное решение его совершать. При этом осознание какого-либо онтологического уровня подразумевает известный контроль его проявлений. Однако результативные усилия, направленные на спасение души и поддержание душевного равновесия, невозможны без апелляции к духовному уровню бытия как к более универсальному типу целостности.

Приходится констатировать, что успехи в познании физиологии, биохимии, психологии человека отнюдь не приблизили нас к пониманию его свойств в смысле субъектности, а в определенном отношении, возможно, отдалили. В результате попыток объяснить в рамках естественнонаучной парадигмы внутренние (психические и духовные) процессы через внешние (физиологические и биохимические), понимания их глубинных взаимосвязей не возникло, а противопоставление между ними, скорее, даже усилилось.

В докладе **Б.Ф.Шифрина** особое внимание уделено различению семантических полей архетипических понятий «Дом», «пристанище» и «прибежище». По мысли докладчика, дом психологически связан с привязанностью, пристанище – с контактом, прибежище – со страхом гибели и чаянием

спасения. **Б.Ф.Шифрин** отмечает, что в самых разных культурах обычай гостеприимства фундирован сакральным мотивом: под видом странника человек принимает ангела как посланца Бога или даже самого Бога. Христианское миропонимание (по А.Д.Шмеману) начинается с ощущения того, что «в мире царит и жизнью управляет гибель». Поэтому к паре «пристанище – прибежище» примыкают следующие несимметричные и несинонимичные парные понятия: «жизнь–спасение» и «смерть–гибель». При этом следует иметь в виду две перспективы:

1. Сотериологическую, объемлющую Гибель и Жизнь, перспективу Спасения.
2. Перспективу, для которой необъятность Истинной и Вечной Жизни является смысловой доминантой, подразумевает, что уже в рамках земной жизни, выступающей как объемлющее целое, решается вопрос о Спасении.

Противопоставление этих двух перспектив имеет тенденцию ассоциироваться с антитезой «центростремительное – центробежное». Сопряжение сотериологической перспективы с центробежной интенцией (в частности, с эскапизмом) не является логически необходимым. К этой аберрации приводит допущение, что обыденная жизнь есть преимущественно устойчиво-оседлое существование. Между тем бывали времена, когда именно жизнь бродячая, «неприкрепленная», считалась естественной, а странствия и паломничества носили массовый характер.

Мотив пристанища докладчик предложил рассматривать в контексте *кенозиса* (от греч. *κένωσις* – опустошение, истощение) как способ обретения человеком Божественной благодати путем самоуничтожения.

В перерыве между утренним и дневным заседаниями состоялась презентация книги Б.Ф.Шифрина «Голоса во временных помещениях» (Издательство «Русская культура», СПб, 2013). Были прочитаны поздравления, поступившие от коллег, находящихся в Чехии, Японии, ЮАР (Л.В.Зубова, К.А.Богданов, А.А.Оскольский).

С музыкальным поздравлением выступил руководитель композиторского круга «Мелос» А.А.Следин, который и вел всю презентацию.

С.В.Чебанов в своем выступлении рас-

смотрел присущее нынешней парадигме «отбрасывание второстепенного», приводящее к обесмысливанию деятельности из-за накопления нежелательных побочных и отдаленных последствий в широком спектре научных, повседневно-коммуникативных и художественных практик. Книга же Б.Ф.Шифрина помещает это второстепенное в центр внимания. По мнению С.В.Чебанова обсуждаемая проблематика может рассматриваться с методологически единой точки зрения, формулируемой в терминах «парадокса Мидаса» и концепции над-рефлексии (М.А.Розов).

А.В.Гогин оценил книгу как произведение глубокое, являющее философскую мысль в ее драматическом развертывании. Примечательно, что смысловое целое не явлено тут как одновременно присутствующее, оно требует погружения. Книга написана в жанре свободной медитации, поощряя читателя к медленному чтению и возвращению к тем или иным страницам, – оказываясь, тем самым родственной поэзии двадцатого века.

О связи книги с философско-поэтической культурой Серебряного века говорила и Е.А.Трофимова, отметив, что эта книга, – итог раздумий автора, его выступлений, статей. Можно было бы сказать, что это результат научного поиска, но, учитывая авторский анализ феномена поиска, нужно говорить, что это плод находений. Знакомство с книгой вынуждает по-новому думать о языке философской книги, поскольку она демонстрирует редкие внимание к слову и заботу о сбалансированности понятий, заставляя вспомнить о таких уникальных явлениях, как книги А.Ф.Лосева или проза Андрея Белого. По мысли последнего мотивы иных культур входят в нашу мысль не сами по себе, а если есть наш резонанс, они говорят о том, что происходит с нами. Поэтому и буддийские мотивы, дзэнские интонации – не внешнее явление для нас. В итоге, можно утверждать, что тема *внимания*, поднятая в книге, очень важна из-за того, что внимание трудно удерживать так, чтобы добиваться прикосновения к смыслам. Книга свидетельствует, что оно произошло т.е. она состоялась.

Александр Горнон (поэт, руководитель аудио-визуальных проектов, исследователь русского Авангарда), опираясь на историю своих творческих контактов с Б.Ф.Шифриным,

возникших на почве полифоносемантики, с ее горизонтом художественных, языковых и философских проблем, продемонстрировал трудности рефлексии в ней интуиции поэта и языка. Эта трудность как раз привлекла Б.Шифрина. По мысли А.Горнона, в привычном восприятии имеет место соответствие матрицы повседневной жизни и схематизма, поэтому поэтическому открытию, продирающемуся сквозь рутину языка, требуется особая способность видения и понимания. Обретению этой способности и содействует книга Б.Шифрина. Эта же способность необходима и для творческого отношения к смерти.

В.Л.Мельников, говоря о доме в Учении Живой Этики Рерихов, отметил их трактовку дома как ковчега жизни, обращая внимание на чистоту как физическую, так и духовную, которая должна быть присуща дому. В связи с этим обращается внимание на присутствие цветов в доме, но ограничение доступа животных в дом.

Н.З.Гаевская в своем докладе поделилась своими соображениями о творческом аспекте в христианском подвиге Памяти смертной. Христианский подвиг – определенная бытийная стратегия, направленная на аутотрансформацию, Спасение и достижение личностного бытия. Центральный предмет подвига – это внутренний и бытийный опыт богообщения.

Смерть – важный архаический элемент в структуре подвига юродства. Мотив смерти имеет архетипическое происхождение. Смерть необходима в той мере, в какой она скрывает повседневное в человеке и обнаруживает иное. Христианская ментальность, включаясь в процесс активизации пары «жизнь – смерть», порождает функцию смыслового преобразования. Дуальная оппозиция жизни рассматривается не как жизнь – смерть, а как жизнь временная и жизнь вечная.

Память смертная – основа мировидения христианина, русского православного человека на протяжении тысячелетия. В смысловом пространстве «памяти смертной» хранятся знания о способах личностного определения по отношению к смерти, формирования бытийной ответственности и преодоления релятивизма, способах влияния на культурный код и преодоления греха. Память смертную проповедует православное подвижничество,

в частности юродство – один из самых парадоксальных религиозных феноменов, информация о котором во многом сакральна и табуирована по сей день.

Завершилась конференция круглым столом на тему «Пасхальный тропарь «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

Организаторы и участники конференции стремились к преодолению традиции табуирования проблем смерти и умирания, актуализации опыта их широкого междисциплинарного рассмотрения и раскрытию возможностей их непредвзятого исследования. Следует отметить, что в большей или меньшей степени прогресс в решении этих задач был достигнут.

Пожалуй, самым примечательным результатом прошедшей конференции является, что она продемонстрировала очень интересный

феномен, заключающийся в следующем.

Докладчики, исходя из самых разных соображений, начинали развивать свои построения, отталкиваясь от трактовки каких-то эмпирически предъявленных фактов (прекращение физиологического функционирования тела, механизация поведения, превращение в живой труп и т.д.) как смерти, лишаящей сущее смысла. Однако, при более подробном рассмотрении оказывалось, что эти факты не столь уж однозначны, а за ними стоят какие-то ценностно важные трансформации способа существования чего-либо. При этом эти трансформации с большей или меньшей долей очевидности должны рассматриваться как проявления жизни. Поэтому в итоге обсуждение всего предложенного материала оказалось в высшей степени жизнеутверждающим...

Материал подготовили:

А.Л.Чужов, Б.Ф.Шифрин, С.В.Чебанов